

ставляя „лучшее общество“ и породить „Думу“, единственное лирическое произведение, написанное поэтомъ въ 1838 году по возвращеніи съ Кавказа“. (Висков. VI, 266—267).

На Кавказѣ между прочимъ Лермонтовъ обработалъ свою знаменитую „Пѣсню о Калашниковѣ“, которая была напечатана въ 1838 г. въ „Литературныхъ Прибавл. къ Рус. Инвалиду“.

Вернувшись въ Петербургъ, Лермонтовъ нехорошо чувствовалъ себя среди общества, отъ котораго уже отвыкъ, и которое уже не могло занять его. Но и въ Новгородѣ было ему не лучше: тамъ опять кутежи да карточная игра. Ему захотѣлось было совсѣмъ оставить службу и ѣхать путешествовать на Востокъ, — но родные воспротивились тому и рѣшили, что ему надо продолжать службу, чтобы загладить свой проступокъ. Между тѣмъ бабушка усиленно хлопотала, чтобы внука ея перевели снова въ лейбъ-гусары, въ Царское село — и хлопоты ея, благодаря гр. Бенкендорфу, увѣчались успѣхомъ: приказъ о желаемомъ переводѣ состоялся 9 апрѣля.

Пребыванье въ петербургскомъ обществѣ вызвало, какъ мы уже знаемъ, стихотвореніе: „Дума“, послѣ котораго поэтъ какъ бы впалъ въ апатію: весной и лѣтомъ 1838 г. онъ ничего не написалъ — и принялся за творчество лишь съ осени: онъ началъ обрабатывать своего „Героя нашего времени“.

Между тѣмъ о Лермонтовѣ заговорили въ обществѣ. Благодаря рассказамъ Марлинскаго (А. Бестужева), Кавказъ представлялся петербуржцамъ въ самомъ поэтическомъ видѣ; офицеровъ, возвращавшихся оттуда, встрѣчали, какъ героевъ. Лермонтовъ былъ уже въ извѣстномъ смыслѣ кавказецъ. Неудивительно, что имъ заинтересовались, тѣмъ болѣе, что онъ такъ мастерски описывалъ Кавказъ въ своихъ поэмахъ. Эти поэмы стали модными, ими зачитывались, въ особенности дамы, которымъ болѣе всего нравился „Демонъ“, и онѣ усердно списывали его. Лермонтова въ ту пору напереывъ приглашали въ великосвѣтскіе салоны, какъ человѣка, вошедшаго въ моду. Но онъ предпочиталъ общество избранное: онъ любилъ бывать у Карамзинныхъ, у князя Одоевскаго и часто посѣщалъ Краевского. Слава Лер-

монтова особенно возрасла, когда Краевскій, начавъ издавать „Отечественныя Записки“ съ 1839 года, пригласилъ поэта для сотрудничества. Во второй и потомъ въ четвертой книжкахъ журнала были напечатаны „Бѣла“ и „Фаталистъ“. Кромѣ того, въ первыхъ книжкахъ Лермонтовъ напечаталъ и нѣсколько своихъ стихотвореній.

Лермонтовъ появлялся въ высшемъ обществѣ, но, какъ замѣтилъ И. С. Тургеневъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“, „онъ глубоко скучалъ въ этомъ обществѣ: онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втокнула судьба“. При томъ же далеко не всѣ расположены были къ поэту. „Его положеніе“ — говоритъ Висковатый — „напоминало положеніе Пушкина въ придворныхъ кружкахъ. Многіе, очень многіе его ненавидѣли и находили, что, являясь въ гостиныхъ высшихъ сферъ, онъ „садился не въ свои сани“, что онъ дерзокъ и смѣлъ. Преимущественно держались мнѣнія этого мужчины, коихъ сердило, что молодой „вардейскій“ „офицерикъ“ выказывалъ независимость характера, а порою и нѣкоторую презрительность въ обращеніи. Не мало, быть можетъ, способствовало чувству неприязни къ поэту вниманіе, оказываемое ему женщинами, въ которыхъ влюбленъ былъ весь петербургскій „beau monde“. Лермонтовъ сознавалъ, что къ нему относятся неприязненно и не даромъ предчувствовалъ, что настанетъ время, когда его „будутъ преслѣдовать клеветами“. Время это настало скорѣе, нежели онъ полагалъ“.

Февраля 16-го 1840 года на балѣ у графини Лаваль произошло у Лермонтова столкновеніе съ сыномъ французскаго посланника де-Баранта. Оно произошло изъ-за того, что молодая и красивая вдова кн. Щербатова, въ которую были влюблены оба соперника, отдала предпочтеніе Лермонтову.

— Вы, милостивый государь, слишкомъ пользуетесь тѣмъ, что мы находимся въ странѣ, въ которой дуэли запрещены, — сказалъ де-Барантъ Лермонтову.

— Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ, отвѣчалъ Лермонтовъ, быть вполне въ вапмѣхъ услугамъ.